

Грузинская национальная идея в Тифлисской семинарии пореформенного времени: оптика русского языка и литературы*

Юлия Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

Georgian National Idea in the Tiflis Seminary of the Post-Reform Time: The Optics of the Russian Language and Literature**

Julia Safronova

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia

This article examines the case of seminarian David Kezeli who compiled the anti-Russian proclamation *To the New Generation of Georgia*, confiscated in December 1873. Although the St Petersburg and Caucasian authorities interpreted the case differently, they were united in their inattention to the situation of the Tiflis Theological Seminary. The internal problems of the theological educational institution, including the problem of the disloyalty of the “native” teachers, were to be solved by the officials of the Synod’s Educational Committee and the Exarch of Georgia. The author aims to show the ambivalence of the anti-Russian views of the Georgian seminarians and analyse the Kezeli case as part of the processes in religious education initiated by the 1867 reform. Special attention is paid to the discussion about the establishment of the Georgian language class, the idea of which either led to a consensus among the teachers or to a confrontation described in the Synod documents as a struggle between the Russian and Georgian “parties”. The origins and limitations of anti-Russian sentiments among seminarians are considered in relation to conflicts among teachers, the rules of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520.

Citation: Safronova, Ju. (2024). Georgian National Idea in the Tiflis Seminary of the Post-Reform Time: The Optics of the Russian Language and Literature. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 225–242. DOI 10.15826/qr.2024.1.875.

Цитирование: Safronova Ju. Georgian National Idea in the Tiflis Seminary of the Post-Reform Time: The Optics of the Russian Language and Literature // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 225–242. DOI 10.15826/qr.2024.1.875 / Сафронова Ю. Грузинская национальная идея в Тифлисской семинарии пореформенного времени: оптика русского языка и литературы // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 225–242. DOI 10.15826/qr.2024.1.875.

access to educational and extracurricular literature, and the status of the Russian and Georgian languages. The author concludes that in the first years after the reform, young graduates of the theological academies were inspired by the opportunity to change the content of theological education by introducing the achievements of modern science into it. This goal united teachers of Russian and Georgian origin. They worked together both on projects for Georgian language classes and on compiling lists of advanced literature to be purchased for the student library. Georgian teachers, such as Jacob Gogebashvili, were prepared to become conduits of “human Russification”, arguing that only the Russian language allowed their students to access modern science. The transformation of interaction into conflict, which took on the form of a confrontation between the Russian and Georgian “parties” in the seminary, was explained on both sides by its participants’ personal ambitions. They were fighting for power and money, not for the promotion of the Georgian national idea or the defence of Russian interests in the region. David Kezeli was wholly a product of this situation. After completing his studies at the theological school and moving to the seminary, he felt hostility towards his teachers, seeing in them “Famusovs” who were trying to educate him as a “Molchalin”, while he was constructing himself as a “Bazarov”, the only “nihilist” in Georgia. The anachronism of Kezeli’s “nihilistic” identity emphasises his attachment to the generation of “fathers” who determined the literature available to him and provided him with a tool to master it, i. e. the Russian language.

Keywords: history of reading, generation of the 1870s, reform of theological educational institutions of 1867, theological seminary, Georgian national movement, Narodism

Исследуется дело семинариста Давида Кезели, составителя антирусской прокламации «К новому поколению Грузии», изъятой в декабре 1873 г. Хотя петербургские и кавказские светские власти по-разному интерпретировали дело, их объединяло невнимание к положению Тифлисской духовной семинарии. Решать внутренние проблемы духовного учебного заведения, включая вопрос о нелояльности «туземных» преподавателей, должны были чиновники учебного комитета Синода и экзарх Грузии. Цель статьи – проанализировать дело Кезели как часть процессов в духовном образовании, запущенных реформой 1867 г., показав амбивалентность антирусских взглядов грузинского семинариста. Особое внимание уделено дискуссии о кафедре грузинского языка в Тифлисской духовной семинарии, идея учреждения которой, создавая консенсус среди педагогов, породила и противостояние, описываемое в документах Синода как борьба русской и грузинской «партий». Истоки и ограничения антирусских настроений среди семинаристов рассматриваются в связи с конфликтами между преподавателями, режимами доступа к учебной и внеучебной литературе, а также статусом русского и грузинского языков, то есть состоянием самого учебного заведения. Делается вывод, что в первые годы после реформы молодые выпускники духовных академий были воодушевлены возможностью изменить содержание духовного образования, внося в него

достижения современной науки. Эта цель объединяла преподавателей русского и грузинского происхождения, вместе работавших над проектами кафедры грузинского языка и над составлением списков литературы для закупки в ученическую библиотеку. Преподаватели-грузины были готовы стать проводниками «человеческой русификации», так как знание русского языка обеспечивало доступ к современным идеям. Превращение взаимодействия в конфликт, оформившийся как противостояние русской и грузинской «партий» в правлении семинарии, обе стороны объясняли личными амбициями его участников, боровшихся за власть и деньги, а не за продвижение грузинской национальной идеи или отстаивание русских интересов в крае. Давид Кезели в полной мере был продуктом этой ситуации: закончив обучение в духовном училище и перейдя в семинарию, он испытывал неприязнь к своим учителям, видя в них «Фамусовых», которые стремятся воспитать из него «Молчалина», тогда как он конструировал себя как «Базарова», единственного «нигилиста» Грузии. Анахронизм «нигилистической» идентичности Кезели подчеркивает его связь с поколением «отцов», определивших состав доступной ему литературы и вооруживших его инструментом для ее освоения – русским языком.

Ключевые слова: история чтения, поколение 1870-х, реформа духовно-учебных заведений 1867 г., духовная семинария, грузинское национальное движение, народничество

4 декабря 1873 г. при встрече с наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем в городском саду три ученика Тифлисской духовной семинарии не отдали ему чести. Расследование инцидента, начатое инспекцией семинарии, но быстро перешедшее в руки жандармов и прокуратуры, привело к обвинению одного из них, ученика 4-го класса Давида Кезели, в государственном преступлении. При обыске у него было найдено воззвание «К новому поколению Грузии». В нем семинарист причислял себя к «лучшим гражданам», «которые бы с мечом мужественно погибли за свободу Отечества» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 16 об.]. Кроме того, в письме на грузинском языке, адресованном ученику 3-го класса Махвеладзе, но предназначавшемся к распространению в семинарии, юноша позволил себе фразу «Насколько человек (из русских) выше стоит местом, настолько он глупее, и максимум глупости составляет АП (т. е. ...)» [Там же. Л. 24 об.], которая стала причиной обвинения его в оскорблении особы государя императора. Друзья Кезели Иван Махвеладзе и ученик 1-го класса Стефан Чрелашвили¹ были обвинены в недонесении об этом письме. В ходе расследования выяснилось, что с декабря 1872 г. среди семинаристов распростра-

¹ В делах Синода и III отделения ряд семинаристов и преподавателей фигурируют под русифицированными фамилиями Чрелаев, Туриев, Хелаев и т. д. В тексте даны оригинальные фамилии, под которыми они известны в историографии.

нялась прокламация «Молодая Россия». Установить источник ее проникновения в семинарию не удалось, но ревизор учебного комитета Синода С. В. Керский пришел к заключению, что она «была в руках многих учеников» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 198 об.].

Хотя кавказские и петербургские власти сходились в том, что дело должно быть решено административным порядком, суть преступлений семинаристов определялась ими по-разному. Министерство юстиции рассматривало дело среди других эпизодов революционного брожения молодежи начала 1870-х гг., поэтому делало акцент на распространении прокламации, «приписываемой Чернышевскому», однако находило для обвиняемых смягчающие обстоятельства. По мнению министра юстиции К. И. Палена, семинаристы действовали, «вовсе не осознавая ни важности и преступности своих действий, ни серьезности последствий», а потому должны были подвергнуться не уголовному преследованию, а мерам «исправительно-педагогического» характера [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 60 об.]. Кавказские власти, напротив, видели в текстах Кезели «выражение чувств ненависти к России» и настаивали на его высылке в Сибирь [Там же. Л. 48 об.]. Окончательное решение было вынесено Александром II, который после доклада К. И. Палена 12 марта 1874 г. встал на сторону министерства юстиции [Там же. Л. 64].

Кавказские и петербургские власти в оценке произошедшего объединяло невнимание к ситуации в Тифлисской духовной семинарии. Хотя расследовавшим дело тифлисским жандармам благодаря донесению ревизора учебного комитета Синода С. В. Керского было известно сомнительное в политическом отношении направление преподавателей, они учитывали и полученные из того же источника сведения о ненадлежащем содержании и грубом обращении с воспитанниками, которые вызывали «справедливые с их стороны нарекания». В результате жандармы предпочли видеть в деятельности Кезели «дело одиночное», а разбираться со всеми нестроениями внутри семинарии предоставили экзарху Грузии Евсевию (Ильинскому) [Там же. Л. 37]. Единичной выходкой, «продуктом какого-то идиотизма» назвал произошедшее епископ Имеретинский Гавриил (Кикодзе). Дать оценку делу Кезели его вынудило письмо экзарха от 8 апреля 1874 г., в котором тот, ссылаясь на авторитет петербургского ревизора, рекомендовал назначить смотрителями духовных училищ

Д. Кезели. 1880-е гг. Фото из издания «Literaturis Matiane» (1940–1942)

D. Kezeli. 1880s. Photograph from *Literaturis Matiane* (1940–1942)

«лиц только русского происхождения». Желая вывести из-под удара преподавателей-грузин («туземцев»), епископ Гавриил настаивал на отсутствии связи между выходкой семинариста и деятельностью учителей, сделав уступку только в отношении лиц «ближайшего надзора», то есть инспекции. «Если даже и предположить, что в упомянутом деле ответственность падает на одних туземцев, то справедливо ли из-за нескольких сумасбродных туземцев подозревать, стеснять и наказывать всех их» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 20/42–20/42 об.].

Однако комиссия, состоявшая из преподавателей семинарии и представителей местного духовенства, пришла к выводу, что дело было результатом «внешнего влияния и скрытно веденной пропаганды», и в марте 1874 г. уволила преподавателя истории Ф. А. Туриашвили [Там же. Л. 20/22 об.]. 17 июля 1874 г. на основании отчета С. В. Керского Синод постановил принять меры к воспрепятствованию появления «туземной партии» в учебном заведении, для чего экзарху было предписано «устранить возможность преобладания в правлении семинарии членов из грузин» [Там же. Л. 14 об.]. Эпизод однозначно был проинтерпретирован как результат распространения среди педагогов грузинского национализма.

Советские историки рассматривали дело Д. И. Кезели как часть народнического движения [Горгиладзе, с. 2; Швелидзе, с. 20–21]. К такой трактовке их подталкивали не только принятая в историографии хронология революционного движения, но и воспоминания народников Я. Мансветашвили и С. Мгалоблишвили, учившихся в семинарии одновременно с Кезели [см.: Мансветашвили; Мгалоблишвили]. Подобная интерпретация давала возможность уйти от проблемы развития национализма в Грузии во второй половине XIX в. Хотя историк народничества в Закавказье З. Л. Швелидзе выделил интерес к «национальному вопросу» в качестве одной из особенностей движения, он также подчеркивал убеждение закавказских революционеров в том, что их «первостепенной обязанностью» является поддержка русской социальной революции [Швелидзе, с. 20–21]. Американский историк Р. Суни, напротив, отмечал «незначительность» влияния народничества внутри Грузии, в отличие от активной деятельности грузинских народников за границей и во внутренних губерниях Российской империи. В качестве иллюстрации он использовал дело Кезели, подчеркивая малочисленность группы семинаристов [Suni, p. 137–138].

Современная грузинская историография противопоставляет деятельность народников грузинского происхождения, находившихся «в плену нигилизма и космополитизма», группе «шестидесятников», боровшихся за «возрождение грузинского национального самосознания» [Вачнадзе]. К таковым причисляют Я. С. Гогешашвили, преподавателя семинарии, а с 1868 г. смотрителя Тифлисского духовного училища, упоминаемого в письмах Кезели и в отчете С. В. Керского. С. Мгалоблишвили в воспоминаниях писал, что до назначения в 1873 г. русского инспектора И. Кувшинского семинария была «пол-

ностью грузинской школой» благодаря преподавателям Ф. Туриашвили, Г. Иоселиани, Н. Цхведадзе, увольнение которых исследователи вслед за мемуаристом связывали с делом Кезели [მგალობლობილო, დ. 47²; Швелидзе, с. 51–52]. В то же время в историографии устоялось мнение об «агрессивной русификации» духовной школы, начало которой относят к замене первого и единственного экзарха грузинского происхождения Варлаама (Эристави) в 1817 г. Исследователи пишут о полном запрете грузинского языка в семинарии и иллюстрируют его словами ректора П. И. Чудецкого о «языке для собак», относящихся к началу 1880-х гг., не углубляясь в нюансы образовательной политики Синода на протяжении полувека [Каппелер, с. 197; Верт, с. 76–77].

Несмотря на интерес к делу Кезели, ситуация в Тифлисской семинарии конца 1860-х – начала 1870-х гг. до сих пор не была предметом специального анализа, хотя убийство ректора П. И. Чудецкого в 1886 г. исключенным воспитанником неоднократно привлекало исследователей [Jones, p. 51–57]. Задача статьи – показать, что дело Кезели не было ни простым следствием деятельности неблагонадежных «туземных» педагогов, которым могли противостоять только «благонадежные» русские, каким его видел Синод, ни частью нарождавшегося народнического движения. Истоки и ограничения антирусских настроений среди семинаристов рассматриваются в связи с конфликтами между преподавателями, режимами доступа к учебной и внеучебной литературе, а также статусом русского и грузинского языков, то есть состоянием самого учебного заведения.

В 1873/1874 учебном году состав учащихся Тифлисской семинарии был пестрым. Чиновники Синода считали грузин (91 ученик) и имеретинцев (39 учеников) находящимися «в племенном родстве», вместе они составляли 81 % учащихся (130 из 161 ученика). Следующей по численности группой были русские – 11 учеников (7 %). В семинарии также учились шесть мингрельцев, четыре осетина, четыре айсора, два удинца, один тушинец, один лезгин, один ингилоец, один грек [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 32]. Преподавательский состав, также пестрый, подвергся изменениям в течение нескольких лет после реформы 1867 г. Сперва он значительно омолодился недавними выпускниками Киевской и Московской духовных академий, преимущественно грузинами. Затем начался процесс увольнения учителей-грузин и замены их на русских преподавателей, часть которых были детьми закавказского духовенства. Во время дела Кезели ректор, инспектор и еще четыре преподавателя были русскими, два преподавателя – грузинами. Всего за год до этого ситуация была принципиально иной: два подряд сменившихся инспектора, а также учитель Священного писания были грузинами. С учетом того, что членами правления от духовенства были три священника-грузина, перевес при голосованиях был на стороне

² В переводе на русский язык 1974 г. цитируемая фраза опущена [Мгалоблишвили, с. 56].

«грузинской партии», что вызывало озабоченность экзарха и чиновников учебного комитета [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 384].

С 1854 г. Тифлисская семинария существовала на особых условиях по утвержденным Николаем I «Правилам о новом устройстве учебной части в Тифлисской семинарии». Они официально закрепили статус русского языка в качестве главного учебного предмета, «единственного средства к распространению просвещения». Священники, закончившие семинарию, обязывались учить своих сыновей русскому языку. В качестве меры поощрения предлагалось давать преимущество при поступлении на казенный счет в духовные училища тем мальчикам, которые говорили по-русски [Там же. Д. 47. Л. 56–56 об.]. Ревизовавший в марте 1872 г. учебные заведения Грузинского экзархата чиновник учебного комитета И. К. Зинченко констатировал, что «Правила» игнорировались местным духовенством и в училища поступали дети, вовсе не знавшие русского языка [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47. Л. 65; Мгалоблишвили, с. 53].

«Правила» 1854 г. не требовали полного отказа от грузинского языка. В программу образования входило изучение церковногрузинского языка, отличавшегося от гражданского. С 1864 по 1867 г. в семинарии на грузинском языке преподавались обозрение богослужбных книг и грузинская гражданская история. Оба предмета были введены по предложению экзарха Евсевия (Ильинского) «вследствие усмотренного им недостаточного знакомства грузин с своим (?)³ языком» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47. Л. 62 об.]. После утверждения устава семинарий 1867 г. обозрение богослужбных книг было упразднено, а грузинская история стала преподаваться вместе с общей гражданской историей. Опираясь на § 129 нового устава, разрешавший вводить дополнительные предметы «по местным особенностям» епархии [Уставы и штаты, с. 27], педагогическое собрание семинарии, с одной стороны, и экзарх, с другой, начали разрабатывать проекты реформирования семинарии, в основе которых лежала идея введения дополнительных предметов на грузинском языке за счет полного или частичного отказа от классических языков [Там же. Л. 74]. 26 октября 1867 г. в правлении было заслушано прошение самих семинаристов об «усилении» преподавания грузинского языка, которое педагоги постановили иметь в виду при готовящемся преобразовании семинарии [Там же. Д. 71. Л. 233–233 об.].

24 июня 1868 г. ректору архимандриту Викторину (Любимову) была подана записка, составленная от имени членов правления от духовенства инспектором архимандритом Валентином (Кузнецовым) и подписанная также преподавателями Ф. Туриашвили, П. Королевским и П. Ковровым. В ней была выдвинута идея учреждения кафедры грузинского языка. Проект предполагал замену классов церков-

³ Вопросительный знак, поставленный ревизором И. К. Зинченко в документе, по-видимому, выражает иронию. – Ю. С.

ногрузинского языка на уроки грузинского литературного в низшем и среднем отделениях семинарии, а также добавление по одному уроку русского языка в неделю во всех классах духовных училищ [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47. Л. 366]. В 1873 г. Ф. Туриашвили отправил в Синод докладную записку, в которой описал этот эпизод как интригу русского инспектора, вознамерившегося выжить русского же ректора и занять его место. Туриашвили утверждал, что отец Валентин «не упускал случая возбуждать вражду между учителями из русских и грузин. Желая расположить к себе последних, он стал стыдить их, что они плохие грузины» [Там же. Л. 20/24 об.].

Защищать грузинский язык инспектора якобы побуждало желание избавиться от преподавателя Георгия Хелидзе, единственного обладателя магистерской степени из белого духовенства в Тифлисе, который мог составить ему конкуренцию на выборах. Инспектор предлагал уволить Хелидзе, у которого было только три урока в неделю, передать его часы другому преподавателю, а на освободившиеся деньги открыть кафедру грузинского языка. Версии Туриашвили, что конфликт изначально разворачивался как русско-грузинский, противоречат как русские фамилии подписавшихся, так и то, что жертвой интриги должен был стать преподаватель-грузин. Кроме того, как писал позднее Я. С. Гогебашвили, ректор Викторин сам поддерживал развитие образования на грузинском языке. Именно он посоветовал составить азбуку и книгу для чтения и сам профинансировал проект, благодаря которому Я. С. Гогебашвили стал отцом грузинского просвещения. По этой версии, инспектор настраивал против ректора всех вообще преподавателей, ратуя за эгалитаризм: «что ректор, дескать, что его отношение к наставникам высокомерно-оскорбительны» [Там же. Л. 425–428].

С. В. Керский установил, что архимандрит Валентин и Ф. Туриашвили вместе приехали из Киева в 1867 г. и, будучи друзьями, долго жили на одной квартире [Там же. Л. 355]. П. Ковров был однокурсником отца Валентина, они оба закончили Киевскую духовную академию в 1861 г. [Там же. Л. 125 об.]. Таким образом, изначально эту группу скорее объединяли принадлежность к новому поколению и общий опыт обучения в Киевской духовной академии, а не грузинофильство. В частности, Ковров на уроках Священного Писания знакомил семинаристов «с возражениями рационализма и отрицательной теологической критики» [Там же. Л. 230]. 29 декабря 1867 г. Ковров, Туриашвили и Гогебашвили, также учившийся в Киевской духовной академии, но вынужденный оставить курс в 1863 г. по состоянию здоровья, представили в правление список книг для ученической библиотеки, включавший сочинения Ж.-Ж. Руссо, Г. Т. Бокля, Д. У. Дрейпера, В. Г. Белинского и даже «О происхождении видов» Ч. Дарвина. В 1868 г. архимандрит Валентин на собственные средства купил эти книги, а также выписал журналы «Дело» и «Отечественные записки». По свидетельству Туриашвили, эта литература находилась

«в постоянном свободном обращении между учениками» до ревизии 1872 г. [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47. Л. 136 об. –138].

Группу молодых преподавателей объединяло желание реформировать духовное образование, включив в него достижения передовой научной и философской мысли, которое они разделяли со многими своими коллегами из внутренних епархий [ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 438. Л. 476]. Их проекты никогда не включали полного отказа от русского языка, так как тот был единственным средством доступа к передовой литературе. Весной 1873 г. Я. С. Гогешавили, предполагая совершить суицид, написал письмо экзарху, в котором подчеркнул, что изучение родного языка не наносит ущерба интересам России, так как «жажде в дальнейшем развитии может удовлетворить один лишь русский язык» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 230]. В октябре 1873 г. он сформулировал эту идею еще более радикально в записке на имя С. В. Керского, также составленной перед покушением на самоубийство. Обстоятельства написания, с точки зрения автора, гарантировали адресанту экстремальную искренность: «Обрусению, понимаемому человеческим образом, мы содействуем если не сильнее, то и не слабее русских, потому что того требует благо нашей родины» [Там же. Л. 491 об. –492]. Эти идеи он разделял с другими «шестидесятниками» [Лордкипанидзе, с. 39–40].

В ноябре 1868 г. Викторин (Любимов) был назначен викарием Казанской епархии, а Валентин (Кузнецов) занял вождевленное место, правда, только в качестве исполняющего должность ректора, поскольку не имел магистерской степени. 19 декабря 1869 г. в письме экзарху, доказывая отсутствие в семинарии «вопроса о национальности», Туриашвили сознался в участии в долгой интриге против бывшего ректора: «я стоял (при выборах ректора) за русского и против грузина, каков и есть о. Хелидзе... Когда он (Валентин) действовал против о. Викторина, я поддерживал его, когда только он заявлял справедливые требования (вставки С. В. Керского. – Ю. С.)» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 370 об. –371]. Можно предположить, что между давними друзьями существовала договоренность о разделе власти, но на выборах инспектора в феврале 1869 г. о. Валентин объявил, что Туриашвили не может баллотироваться, так как не утвержден в ученой степени [Там же. Л. 355]. С этого момента началась их непримиримая вражда.

В докладной записке в Синод в 1873 г. Туриашвили, умолчав о личной обиде, описал действия о. Валентина: «подговаривает теперь для своих личных видов русских против грузин, как прежде подстрекал грузин против русских» [Там же. Л. 20/34]. По версии Я. С. Гогешавили, новый ректор продолжал опасаться Хелидзе, поэтому «стал искать опоры в посторонних обстоятельствах, с радостью ухватился за грузинофильство» [Там же. Л. 426]. В 1873 г. С. В. Керский подтвердил ведущую роль ректора в создании «сепаратизма» в семинарии [Там же. Л. 365]. Таким образом, как участники конфликта, так и представи-

тель Синода связывали беспорядки в семинарии не столько с борьбой за грузинский язык, сколько с личными амбициями членов педагогического правления. Обе стороны обвиняли друг друга в разыгрывании «грузинской карты» и настаивали, что борьба за национальные интересы камуфлировала истинные мотивы – жажду власти и денег, желание перераспределить учебную нагрузку и т. д.

Несмотря на новую расстановку сил, вопрос о кафедре грузинского языка с повестки заседаний педагогического правления не был снят. Этому способствовали как ожидание указа о полном преобразовании Тифлисской семинарии, так и поступление на службу в 1870 г. двух выпускников Московской духовной академии, Г. Н. Иоселиани и Н. З. Цхведадзе. В мае 1872 г., уволившись из семинарии после скандала, П. Ковров подал на имя И. К. Зинченко докладную записку, в которой утверждал, что правление было захвачено «партией» преподавателей Туриашвили, Иоселиани, Сулханишвили и Цхведадзе при поддержке членов от духовенства. Они объединились по национальному признаку («по происхождению, языку, нравам, и обычаям, и всем национальным особенностям – грузины») и стремились реформировать семинарию «в духе и вкусе преобладающего здесь населения туземного» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 20/45 об.]. По мнению Коврова, в планах «партии» были назначение ректором Хелидзе и перевод преподавания полностью на грузинский язык, что неизбежно вело к увольнению русских учителей. Правда, сам потенциальный кандидат в ректоры в 1873 г. утверждал, что Туриашвили хотел избавиться и от него «за то, что он держится русской партии» [Там же. Л. 244].

Ковров видел в языке основной инструмент борьбы: преподаватели-грузины общались с учениками «почти исключительно» на родном языке, договаривались между собой по-грузински во время заседаний правления, что позволяло им блокировать предложения ректора. С его точки зрения, инспектор Сулханишвили и его помощник Цхведадзе нарочно не поддерживали дисциплину и в случаях конфликтов семинаристов с русскими преподавателями вставали на сторону первых, «превратно направляя племенные инстинкты» [Там же. Л. 20/46, 20/62].

Разбираясь в хитросплетениях тифлиских интриг, С. В. Керский обнаружил в архиве семинарии очередной проект учреждения кафедры грузинского языка, составленный осенью 1871 г. Документ был подписан Туриашвили, Иоселиани, Цхведадзе и, к удивлению ревизора, Ковровым, «спустя полгода так решительно заявившим себя против грузинской кафедры». Таким образом, в течение двух лет после назначения ректором отца Валентина (Кузнецова) консенсус по поводу кафедры сохранялся, как и возможность совместной работы преподавателей. Проект программы кафедры включал грузинскую грамматику, словесность и историю литературы, церковную и гражданскую историю, чтение богослужебных книг на древнегрузинском языке и церковногрузинское проповедничество – всего 12 уроков в неделю в разных классах [Там же. Л. 372–372 об.].

Хотя официально кафедра не была учреждена, преподаватели-грузины вели эти предметы вместо уроков, предписанных официальными программами. Так, Г. Н. Иоселиани в 1872/1873 учебном году разбирал «грузинские летописи Вахуштия, летописи Вахтанга, грузинскую поэму “Барсова кожа” и поэму Руставеля (так! – Ю. С.) “Ветхвис Трависани”» на уроках истории русской литературы. В начале учебного года он дал ученикам 2-го класса «тенденциозную» тему сочинения «Какую пользу приносит грузинам изучение русской литературы?». С точки зрения С. В. Керского, «вопрос этот не может иметь другого значения, кроме искусственного пробуждения чувства национальной розни между русскими и грузинами» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 93 об.; 111 об. –112]. Своеобразно выполнял Иоселиани § 135 устава, обязывавшего его рекомендовать ученикам книги для чтения по своему предмету: «природные русские читали “Горе от ума” на грузинском языке, а туземцы должны были прочитать ту же комедию на грузинском и русском языках, поэму “Барсова кожа”, “Тамару”, “Будети”, произведения современной туземной литературы...» [Там же. Л. 135 об.].

По воспоминаниям С. Мгалоблишвили, Ф. А. Туриашвили читал им на уроках произведения И. Г. Чавчавадзе [Мгалоблишвили, с. 55]. Совмещая должности преподавателя истории и заведующего библиотекой, он распространял среди воспитанников газету «Дрозба» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 20/63 об.], знакомившую читателей с современными «тенденциозными» учениями. Анализ сочинений убедил ревизора в том, что тифлисские семинаристы читали сомнительную литературу: «Они считают Бокля великим авторитетом (сочинение ученика 5 класса № 7), делают ссылки на Дарвина (учен. 5 кл. № 1), приводят мнения Белинского (учен. 2 кл. № 7)» [Там же. Л. 117]. Хотя редакция газеты «Дрозба» систематически переводила на грузинский язык тексты Д. С. Милля, Р. Оуэна, Ш. Фурье и т. п., очевидно, перечисленных Керским авторов семинаристы читали на русском, получая купленные в 1868 г. архимандритом Валентином книги из ученической библиотеки. Комиссия, расследовавшая деятельность Туриашвили в 1873 г., выяснила, что он давал ключи от библиотеки ученикам «не без предвзятой мысли», так как это позволяло ему не знать, что именно они читают [Там же. Л. 20/63 об.].

Окончательно надежду на открытие кафедры грузинского языка похоронила ревизия И. К. Зинченко в 1872 г. Петербургский чиновник категорично высказался об отсутствии «достаточных оснований» для ее учреждения: «Язык грузинский не имеет еще грамматики научно обработанной, а литературы грузинской почти не существует» [Там же. Л. 88 об. –89]. Тайнственным образом цитаты из отчета, датированного 11 ноября 1872 г., были опубликованы в № 43 газеты «Дрозба» за 1872 г., хотя сам отчет напечатан не был. Преподаватель Горийского духовного училища Зарапов представил «почтенному грузинскому обществу на рассмотрение и оценку» суждения русского чиновника об отсут-

ствии грузинской литературы и истории, а также фразу «употребление грузинского языка и вообще грузинский язык обневеживает духовенство, а, следовательно, и всех грузин» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 373].

После ревизии 1872 г. полного уничтожения грузинского языка в Тифлисской семинарии, которым запугивала своих читателей газета «Дроэба», не произошло. По рекомендации И. К. Зинченко, были сохранены уроки грузинского проповедничества, которые вел Г. Хелидзе. Также Синод был твердо намерен вернуть в программу чтение грузинских богослужебных книг. К началу 1872/1873 учебного года учебный комитет прислал в семинарию разрешение на возобновление этих уроков, однако никто из учителей не захотел взять на себя дополнительную нагрузку. 21 июня 1873 г. учебный комитет обязал семинарию ввести этот предмет в четырех старших классах, но правление продолжало затягивать бюрократическую процедуру выбора наставника, так что и к концу октября вопрос не был решен. С. В. Керский писал в отчете, что «дело могло быть кончено гораздо раньше при ином отношении к нему педагогического собрания» [Там же. Л. 44–48]. При этом, анализируя выборы инспектора, состоявшиеся в октябре 1872 г., ревизор показал, что правление даже после ухода летом 1872 г. Сулханишвили и Цхведадзе контролировалось грузинами – шесть голосов против пяти русских [Там же. Л. 375–376], то есть «грузинская партия» могла бы «продавить» решение о введении уроков церковногрузинского языка, если бы видела в этом смысл.

Давид Кезели, сперва учившийся в Тифлисском духовном училище, а затем перешедший в семинарию, провел значительную часть детства и юности в атмосфере непрерывной борьбы преподавателей друг против друга под знаменем кафедры грузинского языка. Несмотря на уверенность ревизоров, а позднее биографов в глубоком влиянии Я. С. Гогебашвили на воспитанников [Романченко, с. 201], семинарист относился к бывшему учителю неприязненно. В прокламации «К новому поколению Грузии» Гогебашвили – единственный преподаватель, названный по имени, хотя и об остальных учителях юноша писал: «вспоминаю глупость, бесхарактерность, миниатюрное умишко и крошечное волишко (так! – Ю. С.) бывших и настоящих педагогов». Гогебашвили он обвинял в том, что тот «хочет воспитать будущих Молчалиных, Фамусова и под[обных], а не Чернышевских, Нечаевых, Берне» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 18–18 об.].

Вероятно, эта неожиданная характеристика одного из признанных лидеров «шестидесятников» объясняется той ролью «русификатора», которую Гогебашвили взял на себя в училище и о которой писал в «предсмертном» письме С. В. Керскому: «у меня в училище дети-грузины, насколько недель тому назад поступившие в заведение, уже поют русские песни. В то же время мы действительно любим все родное, хорошее, но строго подчиняем эту законную естественную привязанность чувству к общему отечеству» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 492].

Кезели в прокламации утверждал, будто бы учитель говорил про него в классе, «что я (Кезели. – Ю. С.) никак не могу снискать благосклонности начальства и, следовательно, не могу занимать никогда хорошей должности, а умру в жизни с голода» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 18 об.]. Независимо от того, действительно ли эпизод имел место, главная вина Гогебашвили, очевидно, заключалась в его принадлежности к поколению «отцов», чьего авторитета Кезели, причислявший себя к людям «базаровского типа», не мог принять [Там же. Л. 19]. Враждебное отношение к бывшему учителю в 1880-х гг. вылилось в непримиримую полемику с ним в грузинских и русских газетах [Мгалоблишвили, с. 127].

Поступив в семинарию в 1870 г., Кезели «не мог снискать сочувствия педагогов», хотя для кого-то он был готов сделать исключение: «низость бывших, но не всех настоящих моих педагогов» [Там же. Л. 18 об. –19]. Ближайшее окружение Кезели также иронично относилось к учителям: «Повторяю уроки, но с такими профессорами и без повторений обойдусь», – писал Иван Махвеладзе весной 1873 г. [Там же. Л. 29 об.].

Привлеченные к дознанию по делу Кезели семинаристы не дали показаний против своих преподавателей, за исключением Чрелашвили, сознавшегося, что ходил в городскую публичную библиотеку по совету Туриашвили. Поскольку Кезели признался, что получил прокламацию «Молодая Россия» от выпускника Шиио Шиукова [Там же. Л. 10–10 об.], с которым он поддерживал дружеские отношения, очевидно, не щепетильность заставила его умолчать о связях с преподавателями.

Скорее всего, рассматриваемая группа учеников была уже мало связана с учителями, в отличие от более старших курсов, воспитанники которых принимали активное участие в дрызгах наставников и в равной мере пострадали как за попытку уволить П. Коврова [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47. Л. 225 об.], так и за выступление против инспектора Г. Иоселиани, устроенное при поддержке ректора [Там же. Д. 71. Л. 235–235 об.]. Возможно, оставшиеся в Тифлисе семинаристы готовы были прислушаться к уехавшему учиться в Московскую духовную академию Амвросию Хелашвили, участнику выступления против Коврова, который наставлял Чрелашвили в ноябре 1873 г.: «Старайся держаться нейтралитета, не вмешивайся ни во что – ни в дело учеников, ни в дело начальства. Держаться на стороне начальства не стоит: это будет бессовестно. Но быть на стороне учеников тоже не совсем безопасно» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 26].

С. В. Керский предположил, что неблагонадежные педагоги оказали влияние на Кезели не напрямую, поскольку к осени 1873 г. в семинарии остался только Туриашвили, а опосредованно, через старшеклассников, выпустившихся из семинарии ранее. В 1871 г. в комнату к 16 ученикам старшего отделения заселили двух второклассников и трех первоклассников, в том числе Кезели. В результате этого неразумного распоряжения инспекции юноша «жил теми же идеями

и чувствами, как и они, читали одни с ними книги», и приобрел «ложное преувеличенное мнение» о себе и своих способностях [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 246]. В пересказе С. В. Керского текст прокламации «К новому поколению Грузии» выглядит абсурдным: «объявляет себя нигилистом, обладающим непреклонной энергией воли, одним из гениальных людей, призванных подготовить почву для будущего освобождения своего угнетенного Отечества от тирании» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 8 об.].

Хотя в документах жандармов и прокуратуры демонстрация неуважения по отношению к наместнику 4 декабря 1873 г. описана как случайность, позволившая открыть настоящее преступление, по-видимому, это была спланированная акция, хотя к обыску Кезели и Чрелашвили не были готовы. Накануне Чрелашвили позволил себе две дерзкие выходы на уроках греческого языка и гимнастики, после чего они с Кезели подали заявление об отчислении, в котором писали, что только отсутствие денег вынуждало их «насиловать свои натуры». Оставив семинарию, юноши планировали «найти достойный своим силам труд, т. е. предаться самовоспитанию» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 204 об.]. Узнав о происшествии, третьеклассник Табатадзе высказал предположение, что дело получит широкую огласку: «сундуки ваши запечатали ректор и инспектор и вместе с тем взяли вашу *статью* (выделено в тексте. – Ю. С.). <...> ...Случай этот далеко распространит славу... (Следует непечатная брань) (прим. С. В. Керского. – Ю. С.). По крайней мере, скажут, что за то-то выгнали...». Под «статьей» Табатадзе, видимо, подразумевал текст «К молодому поколению», так как в том же письме выражал надежду, что, имея деньги, его друзья «достигнут цели» [Там же. Л. 209 об. – 210]. Целью составления прокламации был сбор средств для Кезели на двухлетнюю самостоятельную подготовку к поступлению в университет в Швейцарии. В отличие от большинства сверстников, мечтавших именно о получении образования, Кезели писал, что поездка нужна ему не для учебы, а чтобы «лицом к лицу стать с новым обществом, которое я знаю только по книгам» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 22 об.]. Последнее признание является ключом ко всему делу. Тексты Кезели построены вокруг широкого круга литературы, преимущественно русской или прочитанной на русском языке.

Прокламация была написана на основе специфической авторской позиции, от имени «нигилиста»: «я лестными словами не обращаюсь искать у вас материальной помощи, но как нигилист предлагаю вам... дайте мне средства» [Там же. Л. 20]. Представления о модусе общения «нигилистов» можно найти в письме Махвеладзе: «Но мне стало неприятно, что ты просишь, а не заявляешь нигилистическим тоном, чтобы то и то послать тебе» [Там же. Л. 34]. «Нигилистический тон» заключался не только в прямолинейных требованиях, но также в «простоте» обращения с друзьями: «”в этих нигилистических прямых и простых словах еще больше любви и дружбы, чем в разных ласках”, – писал Кезели Махвеладзе» [Там же. Л. 30 об.].

Именно «нигилистическая» идентичность позволяла Кезели оценивать себя и свою будущую миссию без ложной скромности: «Я одна из тех немногих личностей, которые, очень рано вдумавшись в глупости и заблуждение общества... целью жизни поставляют вывести общество из заблуждений и показать ему истинный путь жизни» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 17]. То, что в пересказе Керского выглядело наивным хвастовством, для друзей Кезели было констатацией факта [Там же. Л. 29 об.]. Однако конструирование себя в качестве «гениальной личности» не было совершенно беспроблемным. В письме, адресованном Якову Мансветашвили, Кезели писал: «участь всех передовых людей такова (пусть никто не видит в этих словах самохвальства, кроме прямого характера нигилиста)» [Там же. Л. 31 об.].

Положительная оценка нигилизма и нигилистов, по-видимому, была распространена не только в окружении Кезели. С. В. Керский, проверяя работы, написанные в 1872/1873 учебном году учениками 4-го класса, обнаружил размышления о нигилизме как о «беспристрастном рецензенте его (общества. – Ю. С.) жизни, разоблачителе его плохих и дурных качеств и более или менее лучших сторон и свойств». Образцом нигилиста служил герой И. С. Тургенева, при этом автор сочинения локализовал Базарова в «литературе шестидесятых годов» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 71. Л. 120–121]. Отношения Кезели с Базаровым были более наивными. Свою аудиторию он назвал «молодыми людьми базаровского типа», а себя прямо уподоблял Базарову [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 18].

Другим источником представлений о качествах человека «нового поколения» в прокламации были сочинения «любимого и достоуважаемого» Д. И. Писарева. Семинарист процитировал отрывок из статьи «Русский Дон-Кихот» (1862). Важно подчеркнуть, что статья построена как биография И. В. Киреевского, и Кезели должен был быть внимательным читателем, чтобы выхватить из нее фразу о людях с «сильным характером»: «их энергия... удваивается при борьбе с препятствиями». Этот тезис семинарист развил далее («они богато одарены от природы, в них есть свежий восприимчивый ум, твердая решительная воля и непреклонная, словом, титанической энергия»), чтобы завершить тезисом о себе: «я представляю тип, совмещающий в себе более хорошие качества, какие изображены выше» [Там же. Л. 17 об. – 18].

Описание тифлисской действительности через персонажей русской литературы Базарова и Фамусова в антирусской прокламации симптоматично. Представляя себя в качестве будущего освободителя Грузии от засилия русских, Кезели смог найти способы говорения о себе только в литературе на русском языке. Более того, русский язык использовался в переписке семинаристов. Сам Кезели формулировал по-русски важные для него идеи в письме Мансветашвили: «Когда человек видит свое достоинство не в себе, а в чинах и местах, тогда ему нужно плюнуть в лицо и оставить его» [Там же. Л. 31 об.]. Иван Махвеладзе даже заявлял о своей бессилии писать о важных мыслях

на родном языке: «По-грузински не могу выразить, что за несчастье!» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 30 об.].

По-видимому, Кезели сознавал напряжение между желанием освободить Грузию и собственным подчинением русской литературе. В личной переписке с Махвеладзе он просил писать ему по адресу «единственному нигилисту Грузии и надежде утешению ее М. Виллиаму Мязежно-республиканцеву» [Там же. Л. 30 об.]. Письмо, обращенное ко всем семинаристам, было составлено от имени «Арагвели, у которого фамилия Мязежев или Республиканец». Поясняя выбор псевдонима, Кезели писал: «Я принял такое прозвище для молодого человека, которого нет еще в русских романах» [Там же. Л. 25–25 об.].

Распутывание сложного клубка противоречий, центром которых было обсуждение формата кафедры грузинского языка, но никак не вопроса о ее необходимости, утвердило петербургского ревизора С. В. Керского в мысли о существовании «грузинской партии», от которой он хотел очистить духовные учебные заведения, введя барьеры для поступления на службу преподавателей-грузин. Хотя к моменту ревизии конфликт действительно оформился как противостояние двух партий за контроль над правлением, первоначально структура отношений в учебном заведении выглядела иначе. В семинарии существовало объединение молодых выпускников духовных академий, накануне и в первые годы после введения нового устава мечтавших о преобразовании духовного образования и не видевших ничего зазорного в чтении будущими священниками сочинений Ч. Дарвина. В этом смысле заявление Я. С. Гогешашвили о том, что он является сторонником и проводником «человеческой русификации», можно считать искренним не потому, что оно было сделано в «предсмертной» записке, а исходя из логики просвещения Грузии, которое в начале 1870-х гг. все еще было возможно только на русском языке, обеспечивавшем доступ к передовой научной и философской мысли.

Давид Кезели в полной мере был продуктом этой системы: закончив обучение в духовном училище и перейдя в семинарию, он испытывал неприязнь к своим учителям, видя в них «Фамусовых», которые стремятся воспитать из него «Молчалина», тогда как он конструировал себя как «Базарова», единственного «нигилиста» Грузии. «Нигилизм» Кезели был анахронизмом в 1873 г.: в нарождающемся народническом движении Базаров с его скептицизмом не был релевантен для читателей «Светлова». Обращение к персонажу Тургенева, как и чтение «Молодой России», написанной в 1862 г., показывает временной разрыв между Тифлисом и Петербургом примерно в десять лет. Этот разрыв также подчеркивает зависимость тифлисской молодежи от поколения учителей, даже если они казались им «Фамусовыми»: до тех пор, пока из Петербурга и Москвы не начали возвращаться выпускники 1870–1871 гг., семинаристы были обречены читать литературу, подобранную для их библиотеки в 1868 г. Ковровым, Туриашвили и Гогешашвили.

Кезели не рефлексировал по поводу роли русского языка в его собственном образовании и идейном становлении, хотя принимал авторитет передовых русских литераторов. Между тем С. В. Керский подчеркивал, что все участники дела закончили Тифлисское духовное училище, до начала 1870-х гг. бывшее единственным начальным учебным заведением Грузинского экзархата, выпускники которого поступали в семинарию с хорошим знанием русского языка благодаря усилиям Я. С. Гогешавили. Ни в одном из изъятых у Кезели текстов нет отсылок к грузинским авторам или произведениям на грузинском языке, хотя, безусловно, ученики Иоселиани и Туриашвили не могли их не знать. В результате протест против русского воспитания оформлялся как протест против «внешних форм», а не идей, усваивавшихся на русском языке: «[русские] на меня не могли ничем подействовать, не могли заставить меня принять внешнюю даже форму, внутренней же формы Бог им не дал, и вышел я видом, ростом, бородой (если бы вы знали, какая у меня выросла борода, чисто швейцарская, вам покажется, что чеченец, пасущий табун) природный грузин, представитель грузинской свободы, любитель природы» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472. Л. 24].

Библиографические ссылки

Вачнадзе М. История Грузии с древнейших времен до наших дней // Электронная библиотека ModernLib.Net : [сайт]. URL: https://modernlib.net/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dney/read (дата обращения: 25.11.2023).

Верт П. Православие, инославие, иноверие : Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 280 с.

ГАО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 438.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 158. 3-я экспедиция. 1873 г. Д. 472.

Горгиладзе Л. Народничество в Грузии // Тр. Тбилис. гос. ун-та им. Сталина. 1947. Т. 32. С. 163–192.

Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Лорджиганидзе Д. О. Классик грузинской педагогики Якоб Гогешавили. Тбилиси : Ганатлеба, 1965. 63 с.

Мансвешавили Я. А. Воспоминания / пер. с груз. Р. Талаквандзе, К. Андроникашвили. Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1967. 115 с.

Мгалоблишвили С. З. Воспоминания о моей жизни ; Незабываемые встречи / пер. с груз. Э. Елигулашвили. Тбилиси : Мерани, 1974. 175 с.

РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 47, 71.

Романченко О. Якоб Гогешавили // Микава Н. Грузии сыны : [сб.]. М. : Молодая гвардия, 1961. 615 с.

Шведидзе З. Л. Очерки по истории революционно-народнического движения в Закавказье (60-е – начало 70-х гг. XIX века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси : [Б. и.], 1966. 58 с.

Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб. : Синод. тип., 1867. 84 с.

Jones S. F. Socialism in Georgian Colors. The European Road to Social Democracy 1883–1917. Cambridge, Mass. ; L. : Harvard Univ. Press, 2005. 384 p.

Suny R. The Making of the Georgian Nation. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1988. 395 p.

მგალობლიშვილი ს. მოგონებები, ლევ ან ასათიანის წინასიტყვაობით, რედაქტირებით და შენიშვნებით. თბილისი : ფედერაცია, 1938. 268 გ.

References

- GAO [State Archive of Arkhangelsk Region]. Stock 73. List 1. Dos. 438.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 109. List 158. Expedition 3. 1873. Dos. 472.
- Gorgiladze, L. (1947). Narodnichestvo v Gruzii [Narodism in Georgia]. In *Trudy Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Stalina*. Vol. 32, pp. 163–192.
- Jones, S. F. (2005). *Socialism in Georgian Colors. The European Road to Social Democracy 1883–1917*. Cambridge, Mass., L., Harvard Univ. Press. 384 p.
- Kappeler, A. (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a Multinational Empire]. Moscow, Progress-Traditsiya. 344 p.
- Lordkipanidze, D. O. (1965) *Klassik gruzinskoi pedagogiki Yakob Gogebashvili* [Jacob Gogebashvili, a Classic of Georgian Pedagogy]. Tbilisi, Ganatleba. 63 p.
- Mansvetashvili, Ya. A. (1967). *Vospominaniya* [Memoirs] / transl. by R. Talakvadze, K. Andronikashvili. Tbilisi, Literatura da khelovneba. 115 p.
- Mgaloblishvili, S. Z. (1938). *Memoirs* / with foreword, ed. and notes by L. A. Asatyan. Tbilisi, Pederatsia. 268 p. (In Georgian.)
- Mgaloblishvili, S. Z. (1974). *Vospominaniya o moei zhizni. Nezabyvaemye vstrechi* [Memories of My Life. Unforgettable Meetings] / transl. by E. Eligulashvili. Tbilisi, Merani. 175 p.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 802. List 9. Dos. 47, 71.
- Romanchenko, O. (1961). Yakob Gogebashvili [Yakob Gogebashvili]. In Mikava, N. (Ed.). *Gruzii syny. Sbornik*. Moscow, Molodaya gvardiya. 615 p.
- Shvelidze, Z. L. (1966). *Ocherki po istorii revolyutsionno-narodnicheskogo dvizheniya v Zakavkaz'e (60-e – nachalo 70-kh gg. XIX veka)* [Essays on the History of the Revolutionary Populist Movement in Transcaucasia (1860s – Early 1870s)]. Avtoreferat dis. ... dokt. ist. nauk. Tbilisi, S. n. 58 p.
- Suny, R. (1988). *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 395 p.
- Ustavy i shtaty dukhovnykh seminarii i uchilishch, vysochaishe utverzhdennye 14 maya 1867 goda* [Charters and Staff of Theological Seminaries and Schools, Approved by the Highest Authorities on May 14, 1867]. (1867). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 84 p.
- Vachnadze, M. (N. d.). *Istoriya Gruzii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Georgia from Ancient Times to the Present Day]. In *Elektronnaya biblioteka ModernLib.Net* [website]. URL: https://modernlib.net/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dnei/read (accessed: 25.11.2023).
- Werth, P. (2012). *Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, Dissent: Essays on the History of Religious Diversity of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p.

The article was submitted on 15.09.2023